

ULAMA AND OGPU EASTERN DEPARTMENT CONFSSIONAL POLICY IN TASHKENT (1917-1927)

Daniil Melentev

back-in-95@mail.ru

This article is devoted to the confessional situation in Tashkent and history of the political police (OGPU Eastern Department) formation in the first decade after the October Revolution. The paper deals with the problems of constructing different ideological groups known in the scientific literature as «Jadids» and «Kadimists». These conditional categories were substantial for establishing the loyalty boundaries to the Soviet regime among the ulama. In the analysis, paid special attention to the reforms that were associated with the ulama participation. During the study, it was determine that the political police took control over the Mahkama-yi shar‘iyya organization created by the ulama, and then changed its status to the temporary Muslims central spiritual administration of Turkestan. Besides that, the ulama began to act alike official intermediaries responsible for the sovietization and modernization of the region. The alliance of the OGPU Eastern Department with the ulama was the key to the rooting of the Soviet political system. However, the close monitoring of the political police over the ulama did not mean that they were completely subordinate to the Soviet regime and shared the program of Bolshevik modernization. The ulama tried to promote themselves as independent actors and personal comprehending of cultural and political transformations.

Keywords: *Institutional history, confessional policy, ulama, OGPU, Soviet Turkestan.*

HSE University
Daniil Melentev

УЛЕМЫ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ОГПУ В ТАШКЕНТЕ (1917–1927)

**Даниил
Мелентьев**
back-in-95@mail.ru

Настоящая статья посвящена конфессиональной ситуации в Ташкенте и истории формирования политической полиции (Восточный отдел ОГПУ) в первое десятилетие после Октябрьской революции. В статье рассмотрена проблематика противоборства идеологических течений улемов, известных в научной литературе как «джадиды» и «кадимисты». Эти условные категории обозначали границы лояльности улемов к советской политической системе. В статье особое внимание уделено реформам, в которых принимали участие улемы. В ходе исследования было установлено, что политическая полиция взяла под контроль созданную улемами организацию Махкама-йи шар'ийа, а затем изменила ее статус на временное Центральное духовное управление мусульман Туркестана. После этого улемы стали выступать в роли официальных посредников, ответственных за советизацию и модернизацию региона. Альянс ВО ОГПУ с улемами являлся залогом стабилизации советского порядка. Однако пристальный контроль политической полиции за улемами не означал, что они полностью подчинялись советской власти и поддерживали программу большевистской модернизации. Улемы проявляли себя независимыми акторами и продвигали собственное понимание культурных и политических трансформаций.

Даниил Мелентьев
аспирант,
Факультет
гуманитарных наук,
Аспирантская школа
исторических наук,
Национальный исследова-
тельский университет «Высшая школа
экономики»

Ключевые слова: Институциональная история, конфессиональная политика, улемы, ОГПУ, советский Туркестан.

В конфессиональной политике Российской империи Туркестанский край занимал особое положение. Здесь, в отличие от Волго-Уральского региона и Крыма, не было создано Духовное управление мусульман, хотя генерал-губернатор С.М. Духовский (1838–1901) предлагал специальный проект (Арапов, 2017, сс. 23–37). Имперские власти его отклонили, посчитав, что духовное управление будет способствовать сплочению улемов против колониальной администрации (Бабаджанов, 2017, сс. 104–155). После Октябрьской революции произошел разрыв с колониальной практикой игнорирования ислама в Туркестане, свидетельством чему стало появление местного духовного управления мусульман. Однако сохранялась и определенная преемственность: духовные управления мусульман продолжали находиться под надзором органов государственной безопасности. В 1920-е контроль над духовными управлениями осуществлял Восточный отдел полномочного представительства Объединенного государственного политического управления (ВО ПП ОГПУ).

Среди множества исследований, посвященных конфессиональной политике в колониальном и Советском Туркестане (Dudoignon, 1996, pp. 12–40; Khalid, 1998; Radjabov, 2007, pp. 177–188; Shigabdinov, 2007, pp. 189–201; Khalid, 2007, p. 123–143), концептуально важными для настоящей статьи являются работы, критически анализирующие конструкты, созданные в отношении улемов. Исследователи Девин ДеВиз, Б.М. Бабаджанов, Паоло Сартори и другие (DeWeese, 2016, pp. 37–92; Бабаджанов, Сартори, 2018, сс. 219–255), справедливо проблематизируют бинарные оппозиции, сложившиеся в позднесоветской и современной литературе: «*джадиды*» — «прогрессисты», «модернисты», «просветители», «реформаторы»; «*кадимисты*» — «консерваторы», «реакционеры», «традиционалисты». Д. ДеВиз подчеркивает, что историю туркестанских улемов следует рассматривать в трансрегиональном контексте и предлагает изучать их биографии в рамках интеллектуальной истории. Б.М. Бабаджанов и П. Сартори акцентируют внимание на невозможности строгого идеологического разграничения улемов. Б.М. Бабаджанов и П. Сартори установили, что аргументация и богословско-юридическая риторика в периодических изданиях условных «*джадидов*» и «*кадимистов*», которыми они оправдывали необходимость реформ, схожи. Они считают, что между «*джадидами*» и «*кадимистами*» больше общего, нежели различий. В нашей статье мы обратимся к институциональной истории туркестанских улемов и проанализируем их значение в советской системе.

В документах политическая полиция оперировала однозначными, но далекими от реальности бинарными оппозициями. Нужно отметить, что размежевание улемов на «прогрессистов», которые защищали модернизацию, и «консерваторов», якобы желавших сохранить патриархальный общественный строй, возникло существенно раньше утверждения советской власти в Туркестане; большевики пользовались готовыми конструктами. Соответственно, под обозначением «прогрессисты» скрывались «*джадиды*», а под обозначением «консерваторы» — «*кадимисты*». Документы, легшие в основу статьи, созданы преимущественно в первой половине 1920-х (отчеты, рапорты, записки, сводки). Используются и более поздние документы, введенные в научный оборот Д.Ю. Араповым (1943–2015). В них упоминается духовное управление, но указывается, что оно было ташкентским явлением, работе которого препятствовала политическая полиция (Арапов, 2006, сс. 160–173; Арапов, 2011, сс. 68–87). По нашим данным, духовное управление хоть и располагалось в Ташкенте, но претендовало на региональный статус, а его работе некоторое время политическая полиция

способствовала. В документах ВО ПП ОГПУ по Средней Азии редко фигурируют имена улемов, но указываются сферы, в которых советская власть с ними сотрудничала, например решение вакфного вопроса, раскрепощение мусульманок, строительство системы начального и среднего образования и др. Документы не позволяют выстроить общую картину конфессиональной политики в регионе, ограничиваясь Ташкентом.

Целью статьи является реконструкция конфессиональной политики в Ташкенте в первое десятилетие после Октябрьской революции. В исследовании улемы представлены как медиаторы между советской властью и мусульманским обществом. По нашему мнению, для эффективного взаимодействия улемов с советской властью и мусульманами было создано духовное управление. Одна из его функций заключалась в донесении до властных кругов настроений и мнений мусульман о модернизации. Главной проблемой исследования является установление интересов, которые преследовала политическая полиция, создавая туркестанское духовное управление. Также важно установить, почему поддержка улемов со стороны ВО ПП ОГПУ сменилась на преследование.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЙ ТАШКЕНТСКИХ УЛЕМОВ

Между Февральской и Октябрьской революциями произошла политизация ташкентских улемов (Khalid, 2014, pp. 517–535; Халид, 2017, сс. 165–177). В период нахождения у власти Временного правительства улемы стремились добиться консенсуса (Россия — Средняя Азия, 2013, с. 223). Лидер «прогрессистов» Махмудходжа Бехбуди (1875–1919) предлагал устранить разногласия, создав духовное управление мусульман, «которое должно способствовать совместному служению рука об руку с русскими на благо политического и экономического развития страны» (Алимова, 2000, с. 18). В марте 1917 г. образовалась организация *Шура-йи ислами* (Исламский совет), но внутренние разногласия во взглядах на политическое будущее региона оказались принципиальными, став причиной ее быстрого распада. Вскоре появилась организация *Джамият-и Улама* (Собрание ученых), но и здесь выделилось движение *Фукаха* (Шариатские правоведы) (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). В июне 1917 г. появляется организация *Шура-йи Улама* (Совет богословов), которую поддерживали антибольшевистски настроенные мусульмане и европейцы¹, а также британский консул в Кашгаре (Kaushik, 1970, p. 139; Туркестан в начале XX века, 2000, сс. 82, 100).

Вместе с тем в ноябре 1917 г. сформировался первый орган по борьбе с контрреволюцией — Ташкентская следственная комиссия (ТСК). Ей пришлось работать в условиях дефицита кадров и отсутствия процессуально-правовых норм (Арипов, Мильштейн, 1967, сс. 33, 40–41). Образование ТСК произошло в момент, когда при участии Шура-йи Улама в Коканде образовалась *Туркистон Мухторияти* (Туркестанская, или Кокандская, автономия), во главе которой стоял политик Мустафа Чокаев (1890–1941). Туркистон Мухторияти позиционировала себя альтернативой большевистскому правительству в Ташкенте; например, ислам в автономии провозгласили официальной религией, а реформы связывались исключительно с положениями Корана и шариатом (Хасанов, 1990, сс. 41–52). В феврале 1918 г. ташкентские войска разгромили Туркистон Мухторияти, после чего Коканд стал частью Туркестанской Автономной Советской Социалистической Респу-

1. Европейцы — эссенциалистская категория, под которой в колониальном и советском Туркестане понимали все христианские народы, также в нее входили евреи и татары-мусульмане.

блики (ТАССР) в составе РСФСР. Бежавшие из Коканда представители Шура-йи Улама примкнули к вооруженной оппозиции (*басмачам*) в Ферганской долине. Вместе с тем в 1918 г. прекращают существовать Джамият-и Улама и Фукаха, а деятельность Шура-йи Улама в мае запретили большевики (Туркестан в начале XX века, 2000, сс. 111–112).

После первого серьезного вызова советской власти в июле 1918 г. была упразднена ТСК, ее заменила Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК), инициатором создания которой стал оренбургский чекист Александр Сергеевич Сидоров (1892–1943). ЧСК получила широкие полномочия по борьбе с «врагами революции» по всему Туркестану; тем не менее последнее — не более чем декларация, поскольку в комиссии работало всего 15 человек (Арипов, Мильштейн, 1967, с. 56). В связи с обострением ситуации на фронтах Гражданской войны вокруг ТАССР в мае 1919 г. ЧСК расформировали и преобразовали в Туркестанскую чрезвычайную комиссию (ТуркЧК). Несмотря на то, ТуркЧК считалась региональным ведомством, влияние ее не распространялось дальше Ташкентской области (Арипов, Мильштейн, 1967, с. 64). После снятия блокады, в апреле 1920 г., московская Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) установила связь с ТуркЧК и командировала из Саратова специалистов в Ташкент, в том числе назначила нового руководителя Глеба Ивановича Бокия (1879–1937). В сентябре прибыли оперативники из московской ВЧК, и тогда же открылось полномочное представительство ВЧК в Ташкенте (Арипов, Мильштейн, 1967, сс. 70–73).

В то же время ташкентские улемы продолжали искать единства. По более поздней информации начальника ВО ПП ОГПУ по Средней Азии Бориса Моисеевича Гордона (1896–1937), заместителя ВО ПП ОГПУ по Средней Азии Матвея Давыдовича Бермана (1898–1939) и чиновника из Туркестанского военного округа (ТуркВО) Дурова, на излете 1922 г. ташкентские улемы объединились в организацию *Махкама-йи шар'ийа* (Шариатская администрация), которую они пытались создать в 1917–1918 гг. (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18; Халид, 2010, с. 82). Вероятно, речь идет о духовном управлении, которое предлагал создать М. Бехбуди. Структура Махкама-йи шар'ийа состояла из секретариата, отдела по вопросам брака и наследства, отдела по вопросам религиозного образования и отдела, ведающего назначением *мударрисов* (учителей) в медресе (Салмонов, 2008, с. 40).

Филиалы Махкама-йи шар'ийа располагались в Фергане, Андижане, Маргилане, Коканде (глава — Саид Ногман Саид Магсум), Намангане, Самарканде (глава — Габдулла Ходжа), Хиве и состояли из трех отделов: *имамата*, юридического (судебного) и научного (вероятно, просветительского) (Салмонов, 2008, сс. 41–42; Гусева, 2013, сс. 50–55). С 1922 г. улемы стали сотрудничать и открыто выражать симпатии советской власти от имени Махкама-йи шар'ийа (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). Тем временем в апреле 1922 г. ташкентское ПП ВЧК реорганизовали в ПП Государственного политического управления (ГПУ), а ТуркЧК — в ГПУ по Туркестанской республике (ГПУТ). Работа ГПУТ была регламентирована: карательные меры разрешалось применять, если преступника поймали с поличным, остальные уголовные дела следовало передавать в суд (Арипов, Мильштейн, 1967, с. 79–80). В июне 1922 г. появился восточный отдел ГПУ, его организатором и руководителем стал Яков Христофорович Петерс (1886–1938), который ранее служил в туркестанских следственных органах.

Фиксируя лояльность ташкентских улемов советской власти, в 1923 г. Политическое бюро ЦК ВКП(б), рассматривая туркестанские вопросы, разрешило «широко при-

влекать к строительству [советского государства] ... и умело использовать левое крыло мусульманского духовенства», под которым подразумевались улемы-«прогрессисты» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 360. Лл. 19–24. Цит. по: Россия и Центральная Азия, 2017, сс. 514–517). В 1923 г. происходит еще одна трансформация политической полиции — появляется ОГПУ, при котором создается Восточный отдел с сетью полномочных представительств на окраинах СССР. В то же время ташкентские большевики допускают улемов на руководящие посты в Народный комиссариат просвещения (НКП) (Беккин, 2018, сс. 149–155). Поэтому неудивительно, что в 1923 г. ташкентский мулла Гулям Расул Ходжа от имени Махкама-йи шар’ийа вместе с председателем отдела народного образования НКП Арифхановым агитировал мусульман отдавать детей в советские школы, под которыми тогда понимали новометодные *мактабы*: «Дорогие товарищи, вам хорошо известно, что грамота дороже всего, а без грамоты жить невозможно... потому наша советская власть для вас открыла много училищ, где разрешено учиться Корану, ... вам предлагается отдать детей учиться в школы, так как, согласно шариату и закону, дети должны учиться, а другой работой не имеют права заниматься» (Халид, 2010, с. 106; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 136. Л. 2). Интеграция улемов в НКП, вероятно, осуществлялась на основании того, что Б.М. Гордон, М.Д. Берман и Дуров называли улемов-«прогрессистов» «просветителями узбеков» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18; Khalid, 2015, p. 345).

Помимо прочего, гендерная политика в отношении мусульманок опиралась на стратегию раскрепощения через просвещение, в пользу которой еще до 1917 г. высказывались мусульманские интеллектуалы (Камр, 2006, pp. 32–33). Известно, что некоторые мужчины-*казии* (судьи) помогали женщинам-казиям при женотделах разбирать судебные дела мусульманок. Например, руководительница бухарского женотдела Капитолина Судакова в 1923 г. упоминает уважительный жест со стороны мужчины-казия в отношении казии Ахмеровой, которая приехала разбирать дела мусульманок в один из вилайатов (областей): «...узнав и казии о... приезде, послал ей... хлеб, а во время обеда... плов, потом пришел сам и стал говорить с ней, как с равной, считая ее кази, ...говорили о... трудностях разбора... сложных дел, судья... говорил с большим уважением о Файзулле Ходжаеве и тов. Мавлян[бекове]» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Лл. 175–177). Однако женотделы и улемы в идею раскрепощения вкладывали разный смысл, что выяснили начальник информационно-агентурного отделения ВО ПП ОГПУ по Средней Азии Петр Андреевич Самойлов (1897–1938) и начальник специального отдела ВО ПП ОГПУ Борис Григорьевич Гольшев (1897–1937). Если женотделы агитировали за светский образ жизни и образование, улемы призывали дать неограниченный доступ женщинам к мечетям, а образование мыслили средством, усиливающим роль матери в семье и воспитательницы нового поколения мусульман (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 27–30).

Большевики привлекали улемов как нравственных авторитетов для продвижения советской антиколониальной риторики. В 1923 г. уфимский ЦДУМ в «обращении к братьям-мусульманам, живущим в разных частях земного шара» называл главным врагом исламского мира Англию, а Советскую Россию — защитницей угнетенных мусульман (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1546. Л. 8. Цит. по: Ислам и советское государство (1917–1936), 2010, сс. 57–58). Подобно этому, в 1924 г. улемы из Махкама-йи шар’ийа на митинге призывали ташкентских мусульман сплотиться вокруг советской власти, чтобы противостоять английскому империализму в Афганистане, Иране и Индии: «Перед всем исламом открыто пишем и громко заявляем: наш враг злой, коварный, кровавый, хищный

зверь, укрепившийся вдали от Востока на островах — отверженный сын Альбион. Именем всего мусульманского мира бросаем огненное и грозное возмущение против Англии, ненависть, которую они несут против ислама, мы обращаем против Англии: да погибнет ее владычество и в гибели врага, да возродится и расцветет мусульманский мир» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 55).

Воззвание, во-первых, является выражением лояльности советской власти, поскольку британцы поддерживали антисоветские настроения среди туркестанского духовенства (Kunitz, 1935, p. 90). Во-вторых, декларацией того, что большевизм осуждает империализм, правовую и иную дискриминацию коренного населения в колониях западных держав. Кроме того, Махкама-ий шар'ийа поддержала восстание курдов в Турции, которое советская власть рассматривала как национально-освободительную борьбу против английского империализма (Шигабдинов, 2009, сс. 54–67). Внимание Афганистану, Ирану, Индии, Турции в воззвании Махкама-йи шар'ийа было уделено потому, что ВО ПП ОГПУ позиционировал Туркестан как территорию, с которой пролетарская революция должна перекинуться на другие части Востока (Христофоров, 2019, сс. 104–111).

Национально-территориальное размежевание региона обострило вопрос разделения земель между республиками. Эта проблема была не столько административного и этнографического, сколько экономического и религиозного характера. Создание республик затрагивало вакфное имущество, что напрямую касалось улемов, которые преимущественно им и владели (Алимов, 1991, сс. 31–40). В 1917 г. произошла формальная национализация вакфов, однако в 1922 г. часть их вернули в распоряжение мечетей и медресе. В следующем году для решения вопроса создали Главное вакфное управление (ГВУ, 1923–1926), руководителями которого назначили улемов (Pianciola, Sartori, 2007, pp. 475–498). Большевики не могли самостоятельно заниматься вакфами, поскольку это требовало знания тонкостей шариата и *вакф-наме* (грамот/дарственных). В 1923 г. произошло новое перераспределение вакфов, одна часть (т. н. культурно-просветительские) досталась ГВУ, другая («религиозные») — Махкама-йи шар'ийа (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). ГВУ передавало средства наркоматам, за счет которых существовала система советского начального и среднего образования, проводилась аграрная реформа (1925–1926) (Penati, 2015, pp. 39–72). Махкама-йи шар'ийа финансировал конфессиональные учреждения: старометодные мактабы, медресе, *зияраты* (святые места/могилы) (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18).

Из Махкама-йи шар'ийа в Назарат-и Динийа

Сотрудники ВО ПП ОГПУ по Средней Азии фиксировали нарастание конфликтной ситуации внутри Махкама-йи шар'ийа. По представлениям политической полиции, «консерваторы» пытались нивелировать растущее влияние «прогрессистов» на власть и общество, поэтому «выдавили» их в первой половине 1924 г. из организации (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Сложившаяся ситуация беспокоила большевиков, которым требовались контролируемые улемы. ВО ПП ОГПУ по Средней Азии решило полностью передать в руки своих сторонников среди улемов Махкама-йи шар'ийа, проведя ряд мер в отношении несогласных. Первым шагом в этом направлении стал запрет ишанам устраивать *зикры* и встречи с *мюридами* (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2.

Д. 133. Лл. 16–18). Интересно, что политическая полиция видела в ишанах ростовщиков, обиравших под благими предложениями мюридов (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65).

Вторым шагом было проведение через Народный комиссариат юстиции (НКЮ) ТАССР решения о ликвидации шариатских и казийских судов для всех национальностей, кроме узбеков (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Шариатские и казийские суды препятствовали становлению секулярной судебной системы, но в интересах стабилизации социально-политической обстановки их сохранили в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях, а также Хорезмской Народной Советской Республике (ХНСР) (Sartori, 2010, pp. 397–434). Решения шариатских и казийских судов разрешалось обжаловать в народном суде (*халк казии*). Однако в зависимости от территории ситуация варьировалась, например: в ХНСР казийские суды не подчинялись НКЮ ТАССР, а находились в ведении *Хай'ат ал-Фукаха'* (Организации шариатских правоведов). Казийские суды ХНСР оказались «советизированной» народных, самостоятельно снизив «стоимость» *кальима* (брачного дара жениха семье невесты) и упростив для женщин бракоразводный процесс (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 31–33).

В ответ на действия ВО ПП ОГПУ по Средней Азии улемы из Махкама-йи шар'ийа с мая по июнь 1924 г. находилось в открытой оппозиции к советской власти (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Махкама-йи шар'ийа «пыталось парализовать антирелигиозную пропаганду и борьбу с предрассудками среди молодежи», ходатайствовало о восстановлении зикров и прежнего статуса казийских судов (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Тогда ишаны подали в Махкама-йи шар'ийа прошение о разрешении зикров. Глава Махкама-йи шар'ийа Абду Вахид-кари, невзирая на запрет, разрешил проведение зикров (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 30). Абду Вахид-кари (Абдувахид-кари Абду-Рауф Кариев, 1859–1937) являлся известным улемом, в 1917–1918 гг. избран первым председателем организации Шура-йи ислами, в 1921–1922 гг. занимал пост верховного судьи ТАССР, приходился родным дядей секретарю Центрального комитета Коммунистической партии большевиков УзССР Акмалю Икрамовичу Икрамову (1898–1938) (Тарихнинг номаълум Сахифалари, 2009, сс. 22–23).

Узнав о снятии запрета на зикры, ташкентский Старгородской исполком постановил оштрафовать Абду Вахид-кари и ишанов на 300 рублей каждого. Ишаны и Абду Вахид-кари опротестовали санкцию в Туркестанском центральном исполнительном комитете (ТуркЦИК). ТуркЦИК штраф отменил вместе с постановлением, объяснив, что «с религией административными мерами бороться нельзя» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 30). Улемы-«прогрессисты» опубликовали *риваят* (заключение муфтия) против решения ТуркЦИКа, а ВО ПП ОГПУ по Средней Азии подал жалобу в ЦК Коммунистической партии Туркестана (ЦК КПТ) и Старгородской исполком. О судьбе жалобы ничего не известно, но, как утверждали сотрудники политической полиции, надзор за деятельностью ишанов велся крайне слабый (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65).

Запретами ВО ПП ОГПУ по Средней Азии добилось исключения летом 1924 г. из Махкама-йи шар'ийа неподконтрольных улемов, места которых заняли сторонники большевиков. После этого ВО ПП ОГПУ придает Махкама-йи шар'ийа статус *Назарат-и Динийа*, т. е. превращает организацию во *временное* Центральное духовное управление мусульман Туркестана (ЦДУМТ) (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). Лев Николаевич Бельский (наст. имя — Абрам Михайлович Левин, 1889–1941), служивший полномочным представителем ВО ОГПУ в Средней Азии, видел в «прогрессивно-ло-

яльном духовенстве именно ту силу, которая при негласном руководстве и поддержке начнет борьбу с религиозным фанатизмом и бытовыми предрассудками и вместе с тем будет активно содействовать разложению духовенства» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). Таким образом, политическая полиция просто использовала улемов в целях стабилизации советской власти в Ташкенте и других крупных городах. При этом она старалась манипулировать и вносить раскол в ряды улемов, идя на уступки или поддерживая отдельных личностей или фракции.

Как было установлено исследователями, уставы уфимского и крымского управлений оказались идентичными, поскольку составлялись при участии ВО ПП ОГПУ (Гусева, 2016, сс. 137–144). Предположительно, устав ЦДУМТ также составлялся при участии ВО ПП ОГПУ по Средней Азии, о чем пишет Адиб Халид, который утверждает, что прообразом ЦДУМТ служило уфимское духовное управление (Халид, 2010, с. 94). В 1924 г. ВО ПП ОГПУ по Средней Азии называл ЦДУМТ исключительно своим проектом, который «не угрожал ни политическими осложнениями, ни материальным ущербом государству» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Это позволяет утверждать, что в первой половине 1920-х основой конфессиональной политики СССР было (вос-)создание региональных духовных управлений, которые должны были делать население мусульманских окраин лояльным советской власти.

Финансировался ЦДУМТ из специально созданного вакфного фонда, отчислявшего 10% на содержание организации (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Главой ЦДУМТ назначили татарина Зухретдина Аглыма, что произошло без согласования с узбекскими улемами (Гусева, 2013, сс. 50–55). В основу деятельности ЦДУМТ легли тезисы «прогрессистов», комбинированные с положениями, сформулированными Б.М. Гордоном, М.Д. Берманом и Дуровым в письме ответственному секретарю ЦК КПТ Иосифу Михайловичу Варейкису (1894–1938). Во-первых, ЦДУМТ следовало «проводить точку зрения, что [в Коране] возможны изменения и отмена некоторых пунктов по требованию времени и обстоятельств» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Вероятно, это требование было негласным: если бы мусульмане узнали, что советская власть «вносит правки в Коран», это могло вызвать серьезные проблемы, усилив симпатии к басмачам.

Во-вторых, «задачи ЦДУМТ сводились к тому, чтобы очистить религию ислама от извращения консерваторов [что означает] — решительное отрицание суфизма, ишанизма, о котором в Коране ничего не известно» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). В-третьих, «прогрессисты» предлагали опираться только на Коран как источник истин, постижимых мусульманами без лишних объяснений, поэтому отвергали любые писанные и неписанные комментарии (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18; Халид, 2012, сс. 316–344). Из письма сотрудников политической полиции непонятно, что конкретно подразумевается: вся исламская ханафитская религиозно-правовая традиция (*таклид*) или ее части, включая риваяты и *фетвы*? В-четвертых, от ЦДУМТ требовалось доказывать мусульманам, что большевики выступают за свободу вероисповедания (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Взамен советская власть поддерживала улемов, которые выступали за языковую реформу, предполагавшую упрощение арабской письменности (Халид, 2010, с. 91). Власти были заинтересованы в реформе, поскольку она вписывалась в политику коренизации, которая характеризовалась смещением с руководящих постов квалифицированных рабочих и служащих европейцев, чьи места передавались представителям коренного населения, которые зачастую не обладали нужными навыка-

ми и знаниями. Реформа языка была выгодна и потому, что разрывала лингвистическую связь туркестанских мусульман с остальным исламским миром (Халид, 2010, с. 91).

После изгнания неугодных советской власти улемов из Махкама-йи шар'ийа ВО ПП ОГПУ по Средней Азии попытался полностью перекрыть им доступ к ташкентским вакфам (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). Улемы обратились в ТуркЦИК с просьбой сохранить доходы с вакфов за *мутавалли* (вакфными смотрителями), чтобы оставалась возможность содержать медресе (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). По «политическим мотивам, соображениям конспирации, а также чтобы не дискредитировать ЦДУМТ в глазах мусульман», большевики решили вернуть доходы опальным улемам (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18). Но параллельно в 1924 г. ВО ПП ОГПУ по Средней Азии создал духовно-прокурорский отдел при НКЮ для дополнительного наблюдения за ташкентскими вакфами (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27).

Несмотря на локальную победу, улемы ошибочно интерпретировали прагматичные уступки большевиков, решив, что можно пойти дальше и ставить более жесткие требования. В 1924 г. улемы провели кампанию по сбору подписей под жалобой «о притеснении ислама на территории Узбекской ССР» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). Жалобу передали лично председателю ЦИК СССР от РСФСР Михаилу Ивановичу Калинин (1875–1946), когда он в 1925 г. посетил Ташкент. Согласно просьбе, улемы желали вернуть себе все вакфное имущество и восстановить казийские суды, чтобы только они могли решать бракоразводные, наследственные и иные дела на основе шариата, а также ликвидировать все народные суды. Улемы просили открыть все старометодные мактабы, медресе, *кары-хане* (школы чтецов Корана) и остановить антирелигиозную пропаганду в прессе (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65.). Также следовало прекратить раскрепощение мусульманок, поскольку оно, по мнению улемов, противоречило шариату, а равноправие вело к «насаждению разврата» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 27–30). Просьбы улемов были проигнорированы.

ПОПЫТКИ ДИСКРЕДИТАЦИИ УЛЕМОВ И ЦДУМТ

В середине 1920-х годов отношение политической полиции к сторонникам советской власти среди улемов ухудшилось по целому ряду причин, главная из которых — национализм. Как отмечает А. Халид, «прогрессисты» никогда не скрывали приверженности националистическим идеалам (Халид, 2011, сс. 180–201). Под критику попала деятельность улемов в сфере образования «за националистическое воспитание молодежи» и «разжигание ненависти к туркестанским европейцам» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). Во второй половине 1924 г. ВО ПП ОГПУ по Средней Азии был обеспокоен конфликтом, произошедшим в ташкентском институте просвещения (Инпрос) между европейцами и узбеками в момент переезда первых из общежития. Конфликт рассматривался как следствие разжигания национальной ненависти улемами (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 26). В общежитие пришли узбеки и потребовали от европейцев немедленно убираться из комнат. Европейцы стали возражать, началась перепалка, которая могла перерасти в побоище, его удалось избежать вовремя вызванному отряду конной милиции.

Б.М. Гордон, его коллега Николай Александрович Дьяконов (1897–1940) и уполномоченный ВО ПП ОГПУ по Средней Азии Агидуллин сообщали представителю Среднеазиатского бюро (Средазбюро) ВКП(б) И.М. Варейкису, что «со стороны узбеков разда-

вались голоса, что они теперь хозяева страны и что они прикажут, то и должно быть исполнено. В ответ на это — европейцы возражали, что революцию завоевали они. Этот конфликт привлек внимание проходящей публики, отдельные лица говорили, что теперь не только студентов будут выгонять, постепенно очередь дойдет и до европейского населения» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 26). Б.Н. Гордон, Н.А. Дьяконов и Агидуллин заявляли о существовании страха изгнания из УзССР и среди служащих-европейцев: «имели место разговоры, что после размежевания выселение из Туркестана неизбежно, что поставит их в безвыходное положение ввиду безработицы в России» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 26).

Идея создания отдельных «квартир» для каждого народа СССР, которая продвигалась большевиками с опорой на академическое знание, как демонстрирует документация ВО ПП ОГПУ по Средней Азии, не устраивала ни европейцев, ни коренную элиту. Улемы относились к созданию новых республик как к намеренному расколу уммы, называя это «красным империализмом» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). Улемы, которые поддерживали советскую власть, не переставали отстаивать «руководящую и организующую роль ислама в „культурной жизни“ коренного населения» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65). По информационным сводкам, собранным П.А. Самойловым и Б.Г. Гольшевым, аналогичного мнения придерживались некоторые делегатки-мусульманки из женотделов: «С момента получения свободы мы ожидали, что будем организованы в чисто мусульманское государство, которое будет защитником Корана и укрепит нашу религию, а вышло наоборот» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 27–30).

Взгляды большевиков и улемов по политическим и культурным вопросам разошлись. Вероятно, в ответ на это политическая полиция начала морально давить на «прогрессистов» и приписывать им намерение бороться за независимость Туркестана от России в период между Февральской и Октябрьской революциями (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). В анонимной записке сотрудники политической полиции называли «прогрессистов» сторонниками Кокандской автономии, а также подозревали их в симпатиях к басмачам Ферганской долины (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). Как выяснил А. Халид, такие настроения действительно имели место, но разделялись не всеми (Халид, 2010, с. 82). Помимо прочего, басмачи считали «прогрессистов» такими же врагами шариата/патриархальных традиций, как и коммунистов/большевиков (Khalid, 2021, p. 162). Поэтому обвинения в поддержке басмачей со стороны «прогрессистов» можно, скорее всего, считать беспочвенными.

Улемам приписывали шпионаж в пользу империалистических держав с целью построения независимого Туркестана (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). При этом в документации ВО ПП ОГПУ по Средней Азии не приведено никаких доказательств связи с западными спецслужбами. Однако, как показывает Ю.Н. Гусева, Туркестан испытывал давление, инспирированное англичанами, которые неформально поддерживали басмачей (Гусева, Бегасилова, 2018, сс. 99–110). Вместе с тем улемам вменяли пособничество османскому офицеру Энверу-паше (1881–1922), который недолгое время являлся союзником большевиков, но затем перешел на сторону басмачей. Насколько Энвер-паша воодушевлял улемов поддерживать или свергать советскую власть, судить трудно.

В 1924 г. ВО ПП ОГПУ по Средней Азии перехватил антисоветское воззвание «командующих армией ислама» муллы Кахара и Сардан Саид Азам Ходжи, адресованное мусульманам Бухары, Туркестана и Кавказа, в котором были призывы к восстанию

против безбожников: «Вы не видите, мусульмане Великого Туркестана, что на вашей святой земле присутствуют нечестные *кяфиры*, что за освобождение ее лишаются жизни тысячи преданных исламу *джигитов*? Проснитесь, друзья, время не то, чтобы закрывать глаза, неужели вы не видите, что происходит вокруг нас, как оскверняют наши храмы и как листы Корана свертываются в папиросы нашими вечными врагами? Призываем вас к восстанию против существующего строя и против кяфиров. Да будет вечная память павшим в борьбе за ислам!» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Лл. 76–77). Это воззвание не было написано лояльными большевикам улемами. Но напряженная военно-политическая обстановка нагнетала уровень тревоги во власти, заставляя политическую полицию сомневаться в «прогрессистах» и искать среди них предателей.

А.Н. Бельский в начале 1925 г. докладывал, что осведомлен о симпатиях улемов к идеям пантюркизма и панисламизма (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27). Примечательно, но эти две фобии были характерны для колониальной администрации и органов внутренних дел Туркестана (Khalid, 2009, pp. 413–447). Причиной подозрений в пантюркизме и панисламизме были поездки *шакирдов* местных медресе за рубеж — в Стамбул/Константинополь, Берлин и другие европейские города (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). Известно, что в одном из бывших узбекских *текке* Стамбула — «Бухара» с 1925 г. размещался Союз молодежи Туркестана, который являлся общежитием, а по соседству располагалось Общество культуры и взаимопомощи туркестанцев (Сибгатулина, 2010, с. 93).

Зарубежные поездки шакирдов практиковались еще до Октябрьской революции и продолжались в первой половине 1920-х, не вызывая подозрений со стороны политической полиции. Позже ведомство стало их расценивать замаскированным налаживанием контактов с эмигрантским мусульманским подпольем (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70). Подобные опасения были распространены не только среди сотрудников ВО ПП ОГПУ по Средней Азии: коллеги из Волго-Уральского региона фиксировали хождение антисоветской литературы, ввезенной в СССР татарскими студентами, вернувшимися из Европы (Гусева, 2014, сс. 67–74). Примером антисоветской деятельности ВО ПП ОГПУ по Средней Азии называло публикации в русскоязычной белоэмигрантской прессе некоего Юсуфа Ходжи, например его статьи в берлинской газете «Дни» и парижской «Последние новости» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70).

«Подрывная деятельность» улемов обсуждалась в январе 1925 г. «Комиссией по разработке вопросов, связанных с привлечением внимания членов партии к борьбе ВО ОГПУ с буржуазно-национальными группировками и контрреволюционной идеологией» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27). В ее состав входили первый председатель Совета народных комиссаров (СНК) УзССР Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев (1896–1938), председатель ЦИК Абдулла Рахимбаевич Рахимбаев (1896–1938), секретарь ЦК КП(б) УзССР А.И. Икрамов, заведующий учетно-распределительным подотделом ЦК КП(б) УзССР Ахтамбек Маткулович Мавлянбеков (1897–1938) и другие члены партии. Помимо них, присутствовали помощник секретаря и заведующий бюро секретариата ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис (1889–1953) и заведующий организационным отделом и сектором национальных меньшинств Средазбюро ЦК ВКП(б) Авенир Авысалунович Ханукаев (1894–1938). По нашему мнению, подозрения в национализме, сепаратизме, панисламизме и пантюркизме, пособничестве басмачам, Энверу-паше и «вредительстве» в НКП были актом запугивания улемов и подготовкой уголовных статей для будущих

репрессий. Никто из сотрудников ВО ПП ОГПУ по Средней Азии не собирался всерьез изучать биографии и мировоззрение улемов. Политической полиции требовалось стабилизировать советский порядок, популяризировать его символическим нахождением улемов при власти. Без этого нельзя было обойтись, поскольку слова улемов для мусульман оставались важнее советской пропаганды.

При недовольстве улемами со стороны ВО ПП ОГПУ по Средней Азии партийные чиновники, например Ф.Г. Ходжаев, на заседании комиссии настаивали на необходимости сотрудничества: «Переходя в наступление против националистической контрреволюции, мы должны наш удар направить исключительно против возглавляющей и идейно-вдохновляющей ее части. Вся же интеллигентская масса, хотя и настроенная не в нашу пользу, должна быть нейтрализована и использована нами. Особо должен быть выделен вопрос о нашем отношении к духовенству, как элементу... влияющего на широкие мусульманские массы...Учитывая наличие нескольких идеологических течений среди мусульманского духовенства, мы должны поддерживать прогрессистов» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27). Следствием прений стало лишение ЦДУМТ общественных функций: улемам запретили проводить *махаллинские* собрания в мечетях, а также участвовать в иных мероприятиях. Кроме того, комиссия приняла решение подготовить список «улемов-националистов с продажной англофильской сущностью», которых следовало выслать или изолировать от социально-политической жизни УзССР (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27).

В 1927 г. А.Н. Бельский представил Средазбюро ЦК ВКП(б) новый доклад, в котором вновь скептически отзывался о работе ЦДУМТ. Он отмечал, что влияние ЦДУМТ до сих пор не распространяется на кишлаки, улемов он называл приспособленцами, которые пользуются расположением советской власти для укрепления ислама среди населения (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Лл. 35–68. Цит по: Ислам и советское государство, 2010, сс. 98–124). А.Н. Бельский сомневался в целесообразности дальнейшего посредничества ЦДУМТ при советизации УзССР. В докладе был приведен пример «неправильного» понимания роли ЦДУМТ главой кокандского филиала Тюреханом Максумом: «Духовенство лучше, чем власть, понимает население и лучше знает его интересы, быт и обычаи. Поэтому ДУ должно быть посредником между властью и духовенством. Если власти нужно провести какие-либо мероприятия, она должна обратиться к ДУ, и ДУ разъяснит населению необходимость его проведения. Если у населения возникнет недовольство на власть, то оно через ДУ будет просить власть о том, чтобы власть пошла навстречу и отменила бы распоряжение, идущее вразрез желания населения» (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Лл. 35–68. Цит по: Ислам и советское государство, 2010, сс. 98–124).

Такая интерпретация роли ЦДУМТ не могла быть принята политической полицией, поскольку ставила под сомнение советизацию. Улемы исполняли роль посредников, но, по представлениям сотрудников ВО ПП ОГПУ по Средней Азии, должны были делать это в одностороннем порядке, уменьшая влияние ислама на жизнь коренного населения. Как и ранее, А.Н. Бельский никаких радикальных мер по борьбе с улемами не предложил. ЦДУМТ продолжил существовать, точная дата его ликвидации неизвестна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфессиональная политика в 1920-е гг. отличалась терпимым отношением к организациям ташкентских улемов, с которыми заключались неформальные альянсы. Улемам не доверяли, за ними следили и использовали для продвижения сове-

тизации Средней Азии и антиколониальной риторики на международной арене. Говоря о внутренней политике, советская модернизация нуждалась в символической поддержке признанных в обществе духовных авторитетов, поэтому сотрудничество с улемами было необходимо. Проект ЦДУМТ стал значимым эпизодом в процессе выстраивания конструктивных отношений с улемами и коренным населением. Проект был призван сформировать положительный образ советской власти как демократичной и терпимой к исламу (вопреки агрессивной антирелигиозной риторике) в глазах мусульман, а также стабилизировать социально-политическую обстановку.

Несмотря на ряд обвинений, которые политическая полиция предъявила улемам в середине 1920-х, вероятно, никакие радикальные репрессивные меры к ним применены не были. Мы можем сделать такой вывод на основании того, что политическая полиция долгое время находилась на этапе становления, постоянно менялся ее формат, компетенции, а также законодательство; кроме того, не хватало кадрового состава. Однако мы не исключаем, что источники умалчивают о репрессиях. Наше исследование продемонстрировало, что политическая полиция первое время пыталась относиться к улемам дифференцированно, выстраивая искусственные оппозиции, в том числе с целью создания атмосферы непреодолимых разногласий внутри сообщества. Затем, наоборот, перестала их различать, что можно объяснить ротацией кадров ВО ПП ОГПУ по Средней Азии, желанием отстранить улемов от рычагов принятия решений, укреплением большевистской системы, которая более не нуждалась в легитимации при помощи религиозных лидеров.

Источники

- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 136. Л. 2.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 55.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Лл. 76–77.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Лл. 175–177.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Лл. 16–18.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 26.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 133. Л. 30.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 194. Лл. 1–27.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 58–65.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 310. Лл. 66–70.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 27–30.
 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 434. Лл. 31–33.

Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. (2010) Вып. 2/сост. авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М: Изд. дом Марджани.

Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века: сборник документов и материалов (2017)/отв. ред. Д.А. Аманжолова. М: Новый хронограф.

ЛИТЕРАТУРА

DeWeese, D. (2016) It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. № 59, 37–92.

Dudoignon, S.A. (1996) Djadidisme, mirasisme, islamisme. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 37. No. 1/2, 12–40

Kamp, M. (2006) *The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. London: University of Washington Press.

Kaushik, D. (1970) *Central Asia in Modern Times. A History from the Early 19th Century/ ed. by N. Khalifin*. Moscow: Progress Publishers.

Khalid, A. (1998) *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Los Angeles: University of California Press.

Khalid, A. (2007) Being Muslim in Soviet Central Asia, or an Alternative History of Muslim Modernity. *Revue de la Société historique du Canada*. Vol. 18. No 2, 123–143.

Khalid, A. (2009) Culture and Power in Colonial Turkestan. *Cahiers d'Asie centrale*. № 17/18, 413–447.

Khalid, A. (2014) Ulama and the State in Uzbekistan. *Asian Journal of Social Sciences*. № 42, 517–535.

Khalid, A. (2015) *Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. London: Cornell University Press.

Khalid, A. (2021) *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press.

Kunitz, J. (1935) Dawn over Samarkand. *The Rebirth of Central Asia*. New York: Lawrence and Wishart.

Penati, B. (2015) On the Local Origins of the Soviet Attack on «Religious» Waqf in the Uzbek SSR (1927). *Acta Slavica Iaponica*. Т. 36, 39–72.

Pianciola, N., Sartori, P. (2007) Waqf in Turkestan: the Colonial Legacy and the Fate of an Islamic Institution in Early Soviet Central Asia, 1917–1924. *Central Asian Survey*. № 26(4), 475–498.

Radjabov, K.K. (2007) Struggle for Independence in Turkestan and Muslim Clergy. *Oriente Moderno*. Anno 87. Nr. 1, 177–188.

Sartori, P. (2010) What Went Wrong? The Failure of Soviet Policy on Shari'a Courts in Turkestan, 1917-1923. *Die Welt des Islams*. № 50, 397–434.

Shigabdinov, R.N. (2007) Islamic Socialism in Turkestan at the Beginning of the 20th Century. *Oriente Moderno*. Anno 87. Nr. 1, 189–201.

Алимов, И.А. (1991) Левацкие перегибы в решении религиозного вопроса в ТАСССР. *Общественные науки в Узбекистане*. № 1. Ташкент: ФАН, 31–40.

Алимова, Д.А. (2000) Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент: Узбекистон.

Арапов, Д.Ю. (2006) Мусульманское «духовенство» Узбекистана в 1927 году (оценка полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии). *Вестник Евразии*. № 4, 160–173.

Арапов, Д.Ю. (2011) Государственное регулирование ислама в Российской империи и Советском Союзе. *Pax islamica*. № 2(7). 2011, 68–87.

Арапов, Д. (2017) Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917). *Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей/отв. ред. и сост. В. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов и др. М: Садра, 23–37.*

Арипов, Р., Мильштейн, Н. (1967) *Из истории органов госбезопасности Узбекистана. (Документальные очерки истории 1917–1930-е гг.)*. Ташкент: Узбекистан.

Бабаджанов, Б. (2017) Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизованных»). *Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей/отв. ред. и сост. В. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов и др. М: Садра, 104–155.*

Бабаджанов, Б., Сартори, П. (2018) У истоков советского дискурса о «хорошем исламе» в Центральной Азии. *Ab imperio*. № 3, 219–255.

Беккин, Р.И. (2018) А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография: монография. М.: Садра.

Гусева, Ю.Н. (2013) Деятельность мусульманского движения «Ахмадийя» в 20-е годы XX века. *Восток (Oriens)*. № 5, 67–74.

Гусева, Ю.Н. (2013) Объединительные тенденции в деятельности Центрального духовного управления мусульман в 1920-е гг. *Гасырлар авазы - Эхо веков*. № 1/2, 50–55.

Гусева, Ю.Н. (2016) Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х годов. *Ислам в современном мире*. № 12(1), 137–144.

Гусева, Ю.Н., Бегасилова, Ж.А. (2018) Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. *Российская история*. № 2, 99–110.

Гусева, Ю.Н. (2018) Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики. *Отечественные архивы*. № 2, 56–61.

Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века (2013)/авт. кол. М: Изд. Московского университета.

Салмонов, А.М. (2008) *Узбекистонда муслмон диний муассаса ва ташилотлар фаолияти тарихи (1917–1950 йиллар)*: дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. Узбекистон тарихи. Фергона: Фергона давлат университети.

Сибгатулина, А.Т. (2010) *Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империи на рубеже XIX–XX вв.* М: ИВ РАН.

Тарихнинг номаълум Сахифалари. *Хужжат ва материаллар. Биринчи китоб (2009)*/под ред. Б. Хасанова. Тошкент: Гафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи.

Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости (2000)/кол. авт. Р.М. Абдуллаев, С.С. Агзамходжаев, И.А. Алимов и др. Ташкент: Шарк.

Халид, А. (2010) *Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии*. М: Новое литературное обозрение.

Халид, А. (2011) Национализация революции в Средней Азии: Трансформация джадидизма, 1917–1920 гг. *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*/под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина/пер. с англ. В.И. Матузовой. М: РОСС-ПЭН, 180–201.

Халид, А. (2012) Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама. *Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства*/под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 316–344.

Халид, А. (2017) Чем была революция в Туркестане? *Неприкосновенный запас*. № 5(115), 165–177.

Хасанов, М.К. (1990) «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки. *Общественные науки в Узбекистане*. № 2. Ташкент: ФАН, С. 41–52.

Христофоров, В.С. (2019) «Восточные окраины» как объект изучения Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922-1923). *Уральский исторический вестник*. № 2(63), 104–111.

Шигабдинов, Р.Н. (2009) Улама и реформы 1920-х в Средней Азии. *Pax Islamica*. № 1(2), 54–67.

SOURCES

RGASPI. F. 17. Op. 33. D. 136. L. 2.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 95. L. 55.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 95. L. 76–77.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 95. L. 175–177.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 133. L. 16–18.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 133. L. 26.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 133. L. 30.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 194. L. 1–27.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 310. L. 58–65.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 310. L. 66–70.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 434. L. 27–30.

RGASPI. F. 62. Op. 2. D. 434. L. 31–33.

Islam and the Soviet State (1917–1936). Collection of Documents. (2010) Vyp. 2/sost., avt. predisl. i primech. D.Iu. Arapov. M: Izd. dom Mardzhani. (in Russian)

Russia and Central Asia. Late 19th - Early 20th Century. Collection of Documents and Materials (2017)/otv. red. D.A. Amanzholova. M: Novyi khronograf. (in Russian)

LITERATURE

Alimov, I.A. (1991) Leftist Excesses in Resolving the Religious Issue in the TASSR. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane*. № 1. Tashkent: FAN, 31–40. (in Russian)

Alimova, D.A. (2000) *Jadidism in Central Asia. Ways of Renewal, Reforms, Struggle for Independence*. Tashkent: Uzbekiston. (in Russian)

Arapov, D.Iu. (2006) Muslim «Clergy» of Uzbekistan in 1927 (Assessment by the Authorized Representative of the OGPU in Central Asia). *Vestnik Evrazii*. № 4, 160–173. (in Russian)

Arapov, D.Iu. (2011) State Regulation of Islam in the Russian Empire and the Soviet Union. *Pax islamica*. № 2(7). 2011, 68–87. (in Russian)

Arapov, D. (2017) Islam in Archival Materials of the Highest State Institutions of the Russian Empire. *Musul'mane v novoi imperskoi istorii: sb. statei*/otv. red. i sost. V. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov i dr. M: Sadra, 23–37. (in Russian)

Aripov, R., Mil'shtein, N. (1967) *From the History of the State Security Bodies of Uzbekistan. (Documentary Essays on the History of 1917-1930s)*. Tashkent: Uzbekistan. (in Russian)

- Babadzhanov, B. (2017) The Andijan Uprising of 1898 and the «Muslim question» in Turkestan (the Views of the «Colonizers» and «Colonized»). *Musul'mane v novoi imperiskoi istorii: sb. statei/otv. red. i sost. V. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov i dr. M: Sadra*, 104–155. (in Russian)
- Babadzhanov, B., Sartori, P. (2018) At the Origins of the Soviet Discourse on «Good Islam» in Central Asia. *Ab imperio*. № 3, 219–255. (in Russian)
- Bekkin, R.I. (2018) *A.E. Schmidt: Biography, Scientific Correspondence, Selected Works, Bibliography: Monograph*. M.: Sadra. (in Russian)
- Dudoignon, S.A. (1996) Djadidisme, mirasisme, islamisme. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 37. No. 1/2, 12–40
- DeWeese, D. (2016) It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. № 59, 37–92.
- Guseva, Iu.N. (2013) The Activities of the Muslim Movement «Ahmadiyya» in the 20s of the XX Century. *Vostok (Oriens)*. № 5, 67–74. (in Russian)
- Guseva, Iu.N. (2013) Unifying Tendencies in the Activities of the Muslims Central Spiritual Administration in the 1920s. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. № 1/2, 50–55. (in Russian)
- Guseva, Iu.N. (2016) Crimean Muslims and Soviet Power: A View from Moscow in the 1920s. *Islam v sovremennom mire*. № 12(1), 137–144. (in Russian)
- Guseva, Iu.N., Begasilova, Zh.A. (2018) The Case of the «Pan-Islamist Rebel Organization» in Central Asia, 1940. *Rossiiskaia istoriia*. № 2, 99–110. (in Russian)
- Guseva, Iu.N. (2018) The First Circulars of the OGPU Eastern Department in 1922–1923: Soviet Counterintelligence and the «Eastern» Vector of Russian Politics. *Otechestvennye arkhivy*. № 2, 56–61. (in Russian)
- Kamp, M. (2006) *The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. London: University of Washington Press.
- Kaushik, D. (1970) *Central Asia in Modern Times. A History from the Early 19th Century/ed. by N. Khalifin*. Moscow: Progress Publishers.
- Khalid, A. (1998) *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Los Angeles: University of California Press.
- Khalid, A. (2007) Being Muslim in Soviet Central Asia, or an Alternative History of Muslim Modernity. *Revue de la Société historique du Canada*. Vol. 18. No. 2, 123–143.
- Khalid, A. (2009) Culture and Power in Colonial Turkestan. *Cahiers d'Asie centrale*. № 17/18, 413–447.
- Khalid, A. (2010) *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. M: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Khalid, A. (2011). Nationalization of the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920. *Gosudarstvo natsii: imperiia i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina/pod red. R.G. Sumi, T. Martina/per. s angl. V.I. Matuzovoi*. M: ROSSPEN, 180–201. (in Russian)
- Khalid, A. (2012) Post-Soviet Fate of Central Asian Islam. *Konfessii, imperiia, natsiia: religiia i problema raznoobrazii v istorii postsovetskogo prostranstva/pod red. I. Gerasimova, M. Mogil'ner, A. Semenova*. M.: Novoe izdatel'stvo, 316–344. (in Russian)
- Khalid, A. (2014) Ulama and the State in Uzbekistan. *Asian Journal of Social Sciences*. № 42, 517–535.
- Khalid, A. (2015) *Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. London: Cornell University Press.
- Khalid, A. (2017) What was the Revolution in Turkestan? *Neprikosnovennyi zapas*. № 5(115), 165–177. (in Russian)

Khalid, A. (2021) *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press.

Khristoforov, V.S. (2019) «Eastern Outskirts» as an Object of Study of the GPU–OGPU Eastern Department (1922–1923). *Ural'skii istoricheskii vestnik*. № 2(63), 104–111. (in Russian)

Khasanov, M.K. (1990) «Kokand Autonomy» and Some of its Lessons. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. № 2. Tashkent: FAN, S. 41–52. (in Russian)

Kunitz, J. (1935) *Dawn over Samarkand. The Rebirth of Central Asia*. New York: Lawrence and Wishart.

Penati, B. (2015) On the Local Origins of the Soviet Attack on «Religious» Waqf in the Uzbek SSR (1927). *Acta Slavica Iaponica*. T. 36, 39–72.

Pianciola, N., Sartori, P. (2007) Waqf in Turkestan: the Colonial Legacy and the Fate of an Islamic Institution in Early Soviet Central Asia, 1917–1924. *Central Asian Survey*. № 26(4), 475–498.

Radjabov, K.K. (2007) Struggle for Independence in Turkestan and Muslim Clergy. *Oriente Moderno*. Anno 87. Nr. 1, 177–188.

Russia - Central Asia: Politics and Islam in the Late 18th - Early 21st Centuries (2013)/avt. kol. M: Izd. Moskovskogo universiteta. (in Russian)

Salmonov, A.M. (2008) *Uzbekistonda musulmon dini muassasa va tashkilotlar faoliyati tarixi (1917–1950 yillar)*: dis. na soisk. uch. st. kand. Ist. nauk: 07.00.02. Uzbekiston tarixi. Fergona: Fergona davlat universiteti. (in Uzbek)

Sartori, P. (2010) What Went Wrong? The Failure of Soviet Policy on Sharī'a Courts in Turkestan, 1917–1923. *Die Welt des Islams*. № 50, 397–434.

Sibgatullina, A.T. (2010) *Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the Turn of the 19th - 20th Centuries*. M: IV RAN. (in Russian)

Shigabdinov, R.N. (2007) Islamic Socialism in Turkestan at the Beginning of the 20th Century. *Oriente Moderno*. Anno 87. Nr. 1, 189–201.

Shigabdinov, R.N. (2009) Ulama and the Reforms of the 1920s in Central Asia. *Pax islamica*. № 1(2), 54–67. (in Russian)

Tarikhning noma'lum Sakhifalari. *Khuzhbat va materiallar. Birinchi kitob* (2009)/pod red. B. Khasanova. Toshkent: Fafur Fulom nomidagi nashriet-matbaa izhodii uii. (in Uzbek)

Turkestan in the Beginning of the 20th Century: History of the National Independence Origins (2000)/kol. avt. R.M. Abdullaev, S.S. Agzamkhodzhaev, I.A. Alimov i dr. Tashkent: Shark. (in Russian)